

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертационную работу Гусаровой Екатерины Валентиновны
«Царь Эфиопии Такла Гиоргис I: эпоха и личность
(Эфиопская средневековая монархия в конце XVIII в.)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.03 «всеобщая история (средние века)»

Рецензируемая диссертация посвящена реконструкции политической истории Эфиопии последней четверти XVIII века. Она подана через драматическую биографию царя Такла Гиоргиса, шесть раз вступавшего на трон и потом терявшего власть. Из всех африканских государств Эфиопия с её уникальной историей и культурой, как кажется, наиболее интересна и близка российскому обществу. Наши страны многое связывает. Можно вспомнить научные изыскания Б.А. Тураева, И.Ю. Крачковского и их последователей, поэзию Н. Гумилева, контакты двух монархий конца XIX в. и военно-политическое сотрудничество двух марксистских режимов в конце XX века. Эфиопия, при всей своей африканской экзотичности, принадлежит к той же восточно-христианской (византийской) цивилизации, что и Россия, и уже сам этот факт предопределяет особый интерес отечественной науки к историческим судьбам народов Абиссинского нагорья.

Актуальность исследования эфиопской истории конца XVIII в., эпохи политического распада гондарской монархии, связывается диссертантом с вековечной темой государственного единства и процессов дезинтеграции, проблемой, которая достаточно остро стоит в современной Эфиопии и знакома многим другим странам мира, включая и Россию (С. 5). Несомненно, что сама география Абиссинии, расчлененные высокогорные ландшафты, а также климат с сезонами муссонных дождей и малопродуктивное натуральное хозяйство предопределили политическую раздробленность, полицентричность страны. Этим объясняются и слабая урбанизация нагорья, и отсутствие постоянных столиц, вечные миграции царского двора из одной области в другую, что было единственным способом удержать от развала рыхлую государственность. В диссертации такие политические традиции противопоставляются классическому европейскому феодализму (С. 22), но, стоит заметить, в средневековой Сербии или Грузии с их горными ландшафтами и, соответственно, слабой централизацией, функционировали аналогичные модели госу-

дарственного управления. Е.В. Гусарова ставит важный вопрос: почему, при том, что факторы децентрализации действовали на протяжении всей истории средневековой Эфиопии, страна знала и периоды государственного единства, и времена раздробленности? Каково было влияние личности того или иного монарха на судьбы государства? (С. 27, 30 и др.)

В основу диссертационного исследования положен ряд летописей кон. XVIII – нач. XIX вв., вошедших в т.н. «Сборник *деджазмача* Хайлу». Ввиду того, что издание этих хроник, вышедшее в 1922 г., выполнено на неудовлетворительном уровне, а их английский перевод местами неверен, Е.В. Гусарова самостоятельно работала с рукописными оригиналами сборника, сопоставляя тексты нескольких его копий, хранящихся в различных европейских собраниях (С. 6-9). Таким образом, можно говорить, что диссертация опирается на рукописную источниковую базу, а это в наше время является большой редкостью и несомненным достоинством. Помимо указанных хроник, автор задействовала все остальные доступные источники по исследуемой эпохе: административную документацию, колофоны рукописей и др. (С. 9).

В диссертационной работе Е.В. Гусарова реконструирует событийную историю, «скрупулезно следуя за ходом повествования в хрониках» (С. 13). Пересказ сообщений хронистов перемежается авторским анализом и комментариями. Работа дополнена также пространными экскурсами (С. 141-187), посвященными особенностям эфиопского летописания и, в частности, источниковедческому разбору исследуемых хроник, а также исторической географии страны, государственной и церковной иерархии и титулатуре того времени, эпизодам церковной истории конца XVIII в. Очень уместен картографический материал, приведенный в работе (С. 207-211), особенно авторские реконструкции маршрутов военных походов Такла Гиоргиса.

Е.В. Гусарова наглядно показывает процессы распада эфиопской государственности конца XVIII в., черты социальной и духовной деградации общества. Вообще, эфиопский социо-культурный уклад, каким он предстает на страницах хроник, выглядит, да простят меня абиссиноведы, предельно убогим и несущим в себе механизмы саморазрушения. Технологии до крайности примитивны, даже ружья

приходится импортировать, а появление в стране пушки вызывает культурный шок (С. 112), и это в конце XVIII века! Прибавочный продукт настолько незначителен, что правящие элиты должны непрерывно предпринимать грабительские походы во избежание коллапса государственных структур (см. напр. С. 30, 68, 113-114, 137). При этом с равным рвением жгут деревни как язычников оромо, так и собственных соплеменников (см. напр. С. 111, 133). Многие вожди оромо, которых приходится замирать с оружием в руках, уже давно крещены и носят эфиопские придворные титулы (С. 92). Т.е. государство пребывает в вечном состоянии полумятежа и полураспада. Войско на марше по собственной территории добывает себе пропитание грабежом и реквизициями, причем с боем; подразделения интендантской службы носят официальное название «грабители» (С. 42, 136). Неудивительно, что двадцать лет междоусобных войн феодалов приводят к повсеместной разрухе и голоду (С. 123). Мы видим падение авторитета Церкви, происшедшее за одно поколение: если в начале 80-х гг. XVIII в. считалось грехом сражаться в воскресный день, то через двадцать лет даже анафема митрополита не производит никакого впечатления на тех, кто ей подвергнут (С. 133, 139). Автор показывает душевное очерствение самого Такла Гиоргиса, подчеркнуто благочестивого в молодости, а в зрелые годы легко идущего на грабеж монастырского имущества и конфликт с митрополитом (С. 133-134). Наконец, мы видим душевный надлом царя, человека еще не старого, но смертельно уставшего за двадцать лет измен и изгнаний. Последние без малого два десятилетия своей жизни он проводит в добровольном уединении за монастырскими стенами, даже не пытаясь бороться за возвращение призрачной власти (С. 139).

При всех достоинствах диссертации, зримо представившей образ эпохи, работа не свободна от некоторых недостатков. Если бы автором этого исследования был я, я бы выбрал несколько иную концепцию подачи материала. Стоило бы дать полный перевод источников в приложении, естественно, с подробными комментариями. Кстати, я настоятельно советую диссертанту и научному руководителю подумать над перспективами подобной публикации. В основном же тексте лучше было бы сосредоточиться на аналитике, рассмотреть такие сквозные темы, как царская власть и крупные феодалы, взаимоотношения эфиопской монархии и её вар-

варской периферии, в частности, племен оромо, моральный авторитет и материальные ресурсы Церкви, степень отчужденности податного населения от государственной власти и, вообще, его роль в политической жизни.

Мне так и осталось не до конца понятным, на чем основывалась сила феодалов-военачальников, игравших марионеточными царями, и в чем заключалась слабость этих царей. А это главный вопрос, который напрашивается при чтении диссертации. Логично рассудить, что каждый феодал опирался на ресурсы какого-то изолированного нагорья и, соответственно, той этнической (субэтнической) группы, которая этот регион населяла. А у царей не было ни собственной армии, ни дееспособной бюрократии. В этой ситуации становится понятно, почему один из персонажей летописей, могущественный *рас* Али, неоднократно отказывался от пышных придворных титулов и должностей (С. 116 и др.) – они были чисто номинальными. Но в диссертации эта проблематика должным образом не рассмотрена. Там действует калейдоскоп персонажей, но непонятно, какие социальные силы и регионы за ними стоят.

Сама манера повествования в диссертационной работе тоже может вызвать нарекания. Автор пересказывает источники слишком близко к тексту. Но то, что нормально для летописца *алаки* Габру, не всегда подходит диссертанту XXI в. Читатель путается в именах и титулах. Стиль получается местами архаичным (см. напр. с. 87-88), поведение героев часто выглядит немотивированным. Так, неподготовленного читателя, несомненно, повергнет в изумление сексуальная культура эфиопов, которую Б.А. Тураев и Эфиопская Церковь воспринимали как необузданную похоть, а Е.В. Гусарова оправдывает политической целесообразностью и влиянием социальных норм первобытного окружения (С. 152). Так, на С. 105 говорится о недостойном поведении *баламбараса* Рамха, который «взял себе новую жену, расставшись с предыдущей из-за того, что он вступил в связь с её матерью». Непонятно, кстати, новая жена – это мать предыдущей или как? Царь и церковные иерархи осуждают происшедшее, напоминая, что муж должен вступать в плотскую связь только со своей женой, и заставляют виновных вновь повторить венчальные молитвы. Не проходит и девяти дней, как Такла Гиоргис отдает собственную племянницу в наложницы тому же самому прелюбодее Рамхе. Диссертант полагает,

что за всем этим стоят высокие политические соображения (С. 106). Впрочем, династический союз не удался – через три года Рамха гибнет в битве со сторонниками Такла Гиоргиса, и голова мятежника выставляется на поругание (С. 111). На мой личный взгляд, уровень тестостерона в эфиопской крови в значительной степени определял политическую культуру страны, так что митрополиты в своих обличениях нравов были не так уж и неправы.

Диссертант честно пересказывает содержание хроник, даже когда видит, что оно неверно или необъективно. Самый яркий пример – на с. 134 рассказывается, как Такла Гиоргису подносят отрезанные гениталии его врага *раса* Ассэрата, а на с. 138 он оказывается жив и здоров, и автор вынуждена объяснять, как такое возможно.

Или другой пример – крайне запутаны отношения Такла Гиоргиса с *деджазмачем* Гугсой, который сначала конфликтует с царем, потом примиряется с ним, получает от него пышные титулы (с. 134). При этом в Гондаре сидит другой царь, не кто иной, как брат этого Гугсы. У братьев какие-то сложные отношения, но в них трудно разобраться на основании текста диссертации. На с. 135 Гугса без видимых причин «всецело отдался разрушению деревень в Дамбии и Габа». На с. 136 Такла Гиоргис идет войной на Гондар, сражается с неназванным «противником», терпит поражение от него. Кто этот противник? Нигде не говорится. На с. 137 царь посылает *деджазмачу* Гугсе предложение мира. Но ведь три страницы назад они уже заключили союз. Он что, распался? Об этом не было сказано ни слова, у читателя каша в голове.

Что касается обобщающих выводов, то мне кажется, Е.В. Гусарова несколько преувеличивает роль личности в истории и степень вины безвольных гондарских царьков за наступление феодальной раздробленности. Спору нет, роль личности долгое время недооценивалась отечественной наукой. Несомненно, что историю делает активное меньшинство, точнее, конкуренция нескольких таких меньшинств, а остальная часть общества принимает сложившийся в итоге порядок вещей. Но то, что мы видим в Эфиопии «Эпохи судей», заставляет думать не о слабости царей, а о некоем морально-психологическом кризисе всего народа, точнее, служилого сословия, поскольку остальной народ в источниках почти не появляется.

ся. Очевидна утрата таких понятий, как долг, верность, солидарность. Из хроник не очень понятно, каковы были представления о чести в тогдашнем обществе, и были ли они вообще (если не считать демонстрацию воинской доблести через отрезание гениталий у поверженных врагов). Возобладал крайне деструктивный этнический стереотип поведения. Измена становится нормой жизни. Чуть ли не на каждой странице диссертации мы видим сообщения об очередных предательствах и мятежах (С. 40-41, 49, 55, 116, 118, 120, 124 и др.). Эгоцентризм и конфликтность крупных феодалов доходят до того, что даже восставшие против царя мятежники непрерывно воюют между собой (С. 109, 115 и др.). В царском войске точно также отсутствует дисциплина, воины то не хотят идти в опасный поход, то самовольно покидают действующую армию (С. 86, 94). Драки военачальников происходят прямо в царской ставке (С. 76, 86). Царь не в силах обуздать своих «вассалов», он или впадает в депрессивно-молитвенное настроение, или пытается примирить раздоры приближенных, устраивая пиры (С. 73, 76, 77). Самое показательное, на мой взгляд – это быстрые перепады настроения у людей, психологическая неустойчивость в царском войске. Сначала воины рвутся в битву, а потом, переправившись через бурную реку, теряют всякое желание сражаться (С. 48-49).

Читая эфиопские хроники конца XVIII в., можно было бы предсказать этому обществу самое печальное будущее, рассудить, что страна идет к гибели. Но мы знаем о великих императорах-объединителях Эфиопии второй половины XIX в., о победе над итальянскими колонизаторами и других ярких страницах эфиопской истории. То есть, «Эпоха судей» – это не предсмертные конвульсии, а временный кризис общества и государства. Он чем-то похож на Смутное время в России XVII в. Такой же морально-психологический надлом, чуть не приведший к краху государственности. Только в Московском царстве кризис был преодолен за десять лет, а в Эфиопии растянулся на семьдесят. Но наличие надрегионального этно-сословия царских войск *чева лиджоч* и церковных институтов, видимо, цементировало фрагменты Абиссинского нагорья, удержало их от окончательного политического распада.

Подводя итог, следует еще раз отметить заслугу автора диссертационного исследования, сумевшего обработать рукописные источники и донести до нас це-

лостный образ малоизученной эпохи эфиопской истории. Как уже говорилось, можно было бы приветствовать издание переводов использованных в работе хроник с подробным авторским комментарием. Автореферат соответствует содержанию диссертации. Диссертационная работа «Царь Эфиопии Такла Гиоргис I: эпоха и личность (Эфиопская средневековая монархия в конце XVIII в.)» отвечает критериям Положения о порядке присуждения ученых степеней, а её автор Екатерина Валентиновна Гусарова заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история.

Официальный оппонент
 Константин Александрович Панченко,
 доктор исторических наук,
 доцент, кафедра истории
 стран Ближнего и Среднего Востока
 Института стран Азии и Африки
 МГУ им. М.В. Ломоносова



23.XI.2015.

127591, г. Москва, ул. Дубнинская, 42-2-144,
 Тел. 8 (905) 518-69-80, e-mail: const969@gmail.com

Подпись официального оппонента доц. Панченко К.А. удостоверяю




Директор Института
 Стран Азии и Африки
 МГУ им. М.В. Ломоносова
 д.и.н. проф. И.И. Абылгазиев